

Игорь Зимин

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
**РОССИЙСКОГО
ИМПЕРАТОРСКОГО
ДВОРА**

Вторая четверть XIX—начало XX в.

ВЗРОСЛЫЙ МИР
ИМПЕРАТОРСКИХ РЕЗИДЕНЦИЙ

Повседневная жизнь Российского императорского двора

Игорь Зимин

**Взрослый мир императорских
резиденций. Вторая
четверть XIX – начало XX в.**

«Центрполиграф»

Зимин И. В.

Взрослый мир императорских резиденций. Вторая четверть XIX – начало XX в. / И. В. Зимин — «Центрполиграф»,
— (Повседневная жизнь Российского императорского двора)

Из книги вы узнаете много нового и интересного о членах императорской фамилии. Поймете, что их жизнь совсем не была бесконечной чередой праздников и торжественных церемоний. Помазанники Божии – живые люди со своими характерами, вкусами, причудами, странностями, увлечениями. Каковы они были в быту? Чем увлекались на досуге? Как ладили между собой великие князья? Об этом и о многом другом рассказано в обстоятельном исследовании доктора исторических наук, профессора Игоря Викторовича Зимина.

Содержание

Введение	5
Российские императоры: внешний облик, характер и личностные особенности	7
Император Александр I	8
Император Николай I	12
Император Александр II	22
Императрица Мария Александровна	28
Александр III	34
Император Николай II	46
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Игорь Викторович Зимин

Взрослый мир императорских резиденций. Вторая четверть XIX – начало XX в.

Введение

*Домашний быт человека есть среда, в которой лежат зародыши
и зачатки всех так называемых великих событий.*

И. Е. Забелин

Жизнь самодержавных монархов огромной империи на первый взгляд казалась многим чередой бесконечных праздников и церемоний. Но те, кто находился рядом с ними, видели и понимали, что это далеко не так, поскольку наряду с пышной церемониальной стороной жизни была и другая, повседневная, не видная со стороны. И эта повседневная жизнь для них, как и для всех людей, являлась не менее важной, чем жизнь парадно-официальная.

Следует отметить определенную неразделенность официальной и повседневной жизни членов императорской фамилии. Дело в том, что современный человек может параллельно иметь несколько образов: «для работы», «для семьи», «для друзей». И каждый из этих образов может существовать изолированно. Однако такая изолированность для членов семьи Романовых исключалась. Почти. Вплоть до Александра III их семейная, частная жизнь была такой же частью «сценария» власти, как и парадно-церемониальная. Эта неразделенность бытия на «работу» и «личную жизнь» являлась специфической, публичной чертой профессии российских монархов. Заметим, что необходимость подобной публичности российские монархи хорошо осознавали. В свою очередь, тот, кто пренебрегал этой профессиональной публичностью, пожинал очень горькие плоды.

Российский императорский двор был самодостаточным и обладал своеобразным миром. Некоторые члены императорской семьи проживали в этом искусственном мире целую жизнь, имея весьма смутное представление о реальной жизни за стенами императорских резиденций.

Вместе с тем и в императорских резиденциях, наряду с видимой, парадной стороной жизни, всегда была своя, скрытая от посторонних глаз повседневная жизнь. В парадных резиденциях трудились, жили тысячи людей, в них обустривались поуютнее и императоры, и их придворные. Дворцы имели особый стиль и ритм жизни, который не исчерпывался придворным торжественным ритуалом¹.

Сегодня акценты интереса к истории смещаются. От безусловно важных сюжетов, связанных с дипломатическими перипетиями и политической борьбой, общественное внимание обращается к повседневной жизни обитателей дворцов. В какой-то степени это оправданно, поскольку именно бытовая сторона жизни императорской семьи была практически недоступна для взгляда рядового обывателя до 1917 г. Во второй половине 1920-х гг. этот интерес был отчасти компенсирован музейными экспозициями, созданными на личных половинах императорских резиденций. Однако эта практика быстро прекратилась, поскольку власть была озабочена популярностью экспозиций, показывавших народу, «как жили цари». За прошедшие десятилетия интерьеры «личных половин» оказались, как правило, полностью утраченными. В этом виноваты и власть, и непростое время. И сегодня в комнатах Зимнего дворца, где жили фрейлины, висят на стенах картины Матисса, в кабинете Александра II, где он умирал, экспонируются платье Екатерины II и мундир Петра III, в спальне Екатерины выставлены картины французских классицистов².

Главной задачей настоящей книги является достоверная реконструкция такого текущего и сложного понятия, как повседневная жизнь российского Императорского двора. Основой для этого стали мимолетные упоминания мемуаристов о различных «пустяках», архивные документы, картины, фотографии и многое другое, на чем остались следы блестящей, но, тем не менее, повседневной жизни Императорского двора.

Российские императоры: внешний облик, характер и личностные особенности

Внешность играет важную роль в жизни любого человека. Для российских монархов внешний облик имел ряд важных составляющих, которые, как правило, не столь важны в жизни обычных людей. В России с ее традициями персонификации власти достойный облик монарха служил важным фактором укрепления самодержавия.

Внешний облик монархов имел достаточно много слагаемых: от собственно внешних, физических данных, до манеры поведения, прически и предпочтений в одежде. На этих параметрах мы и остановимся.

Император Александр I

Александр Павлович был первым сыном цесаревича Павла Петровича и первым внуком императрицы Екатерины II. Однако для бабушки он был больше, чем внук. Императрица, у которой забирали детей после их рождения, «обрушила» все свое нерастраченное материнство на первого внука. Она забрала его у родителей и воспитывала сама. Мальчик, росший между двумя дворами, Императорским двором и Двором цесаревича, поначалу неосознанно маневрировал между ними, а затем эти «маневры» стали вполне осознанными. Конечно, это калечило характер молодого человека, да и бабушка с отцом не отличались легкими характерами.

Став императором, Александр I проводил самостоятельную и внятную политику. Некоторые мемуаристы утверждали, что

Александр I «слаб», однако другие отмечали, что царь обладал «непреклонной волей и упорством, граничащим с упрямством». В пользу последней черты свидетельствует тот факт, что в конце 1812 г. Александр I лично посещал тифозные госпитали, не страшился быть под огнем во время сражений. После 1815 г. Александр I упрямо пренебрегал всякими мерами безопасности, помня о том, что его отец и дед были убиты в результате переворотов. Одна из фрейлин писала: «Вокруг царского жилища (имеется в виду Каменноостровский дворец. – И. З.) не было видно никакой стражи, и злоумышленнику стоило подняться на несколько ступенек, украшенных цветами, чтобы проникнуть в небольшие комнаты государя и его супруги»³. Александр I повсюду ездил без сопровождения. Он предпочитал открытые экипажи, хотя зимой это грозило обморожениями. В декабре 1812 г. он пять дней провел в открытых санях, но это была не прихоть императора, а привычка-традиция, впитанная с юношеских лет. Дело в том, что во времена Павла I офицерам вообще запрещалось ездить в закрытых экипажах. Они могли ездить только верхом, в открытых санях или дрожках⁴. Кроме того, учитывался и фактор публичности «профессии» российских императоров: самодержавцы считали, что подданные должны их видеть. Этому же правилу придерживался и Николай I.

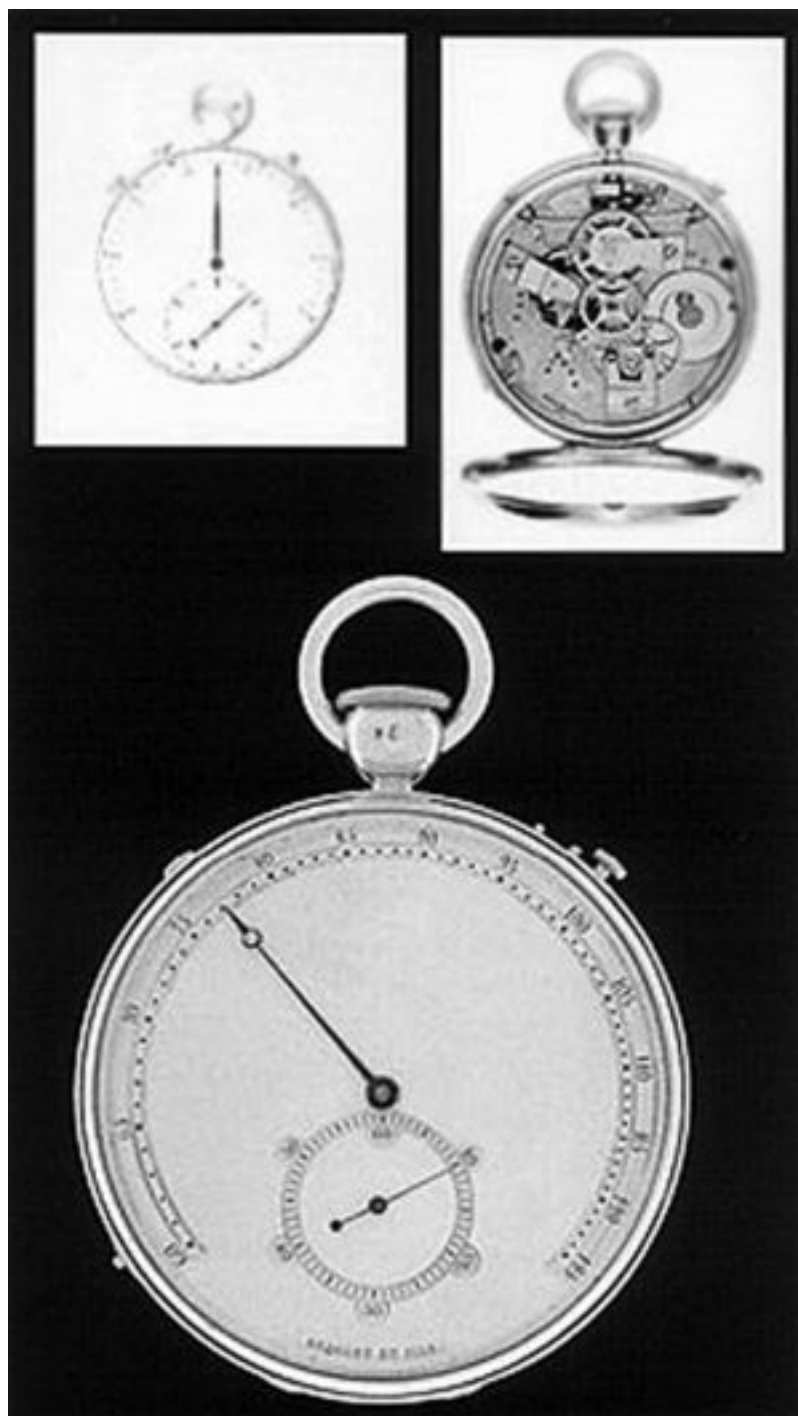
Говоря об особенностях характера Александра I, стоит упомянуть и о такой наследственной черте Романовых, постоянно воспроизводившейся вплоть до Николая II, как «парадомания». Действительно, Александр I, как и его отец Павел I, и его дед Петр III, был на протяжении всей жизни увлечен внешней стороной военной жизни, бесконечными разводами караулов, блестящими парадами и переменами в военной форме. При этом для монарха первостепенной была не боевая подготовка армии, очень далекая от искусства тянуть носок и держать строй, а именно внешняя, парадная сторона армейской жизни. Возможность мановением руки, кратким приказом приводить в движение огромные массы людей была зримым символом и воплощением могущества российских самодержцев.

Свидетельства этой особенности характера разные, подчас неожиданные. Известно, что 15 мая 1821 г. за 1800 франков для Александра I был приобретен специальный «шагомер» у знаменитого швейцарского часовщика Абрахама Луи Бреге⁵.

Император Александр I. *Т. Лоуренс. 1818 г.*

Имя часовщика Бреге дало название знаменитым часам – «брегетам». Этот мастер неоднократно выполнял штучные и, конечно, очень дорогие заказы, поступавшие от европейских монархов. Так, им были изготовлены часы для султана Османской империи, для принца-регента Великобритании и для российского императора Александра I.

Часы Бреге № 3825 с измерителем темпа маршировки. 1821 г.

Примечательно, что для российского монарха знаменитый часовщик изготовил не часы, а измеритель темпа маршировки. Всего было изготовлено 5 экземпляров этого прибора. На серебряном циферблате была нанесена шкала с цифрами от 60 до 125. Стрелка отсчитывала соответствующее число колебаний в минуту. Такой прибор был очень удобен во время парадов, когда монарх мог лично контролировать темп маршировки воинских подразделений путем подсчета шагов в минуту. А Романовы парадом традиционно придавали огромное значение.

Если упомянуть о внешности императора, то женщины эпохи Александра I признавали монарха красавцем. Действительно, в молодые годы Александр Павлович, всегда внимательно следивший за своей внешностью, был весьма хорош. Монарх чертами лица больше «пошел

в мать» – императрицу Марию Федоровну (принцесса Вюртембергская), чем в отца. Многие обращали внимание на характерный круглый подбородок монарха.

Конечно, с возрастом «проблемы» копились, у Александра I появилась лысина. Хотя в молодые годы, в период правления бабушки, он и носил парики, но в зрелом возрасте от них отказался и лысину свою не скрывал. Кроме этого, у него рано испортилось зрение и обозначилась глухота. Это, конечно, не могло не повлиять на характер монарха.

Что касается одежды императора, то он всю жизнь носил мундиры со скромной орденской колодкой. Покрой мундиров мог меняться, но колодка из наград, сложившаяся к концу войн с Наполеоном, оставалась неизменной вплоть до 1825 г. Эта орденская колодка, изображенная на множестве портретов, включала: Крест Св. Георгия IV степени (награжден 13 декабря 1805 г.); «Медаль память Отечественной войны 1812 г.»; австрийский военный орден Марии Терезии (вручен в 1815 г.); прусский орден Железного креста (вручен в 1813 г.); шведский военный орден Меча (вручен в 1815 г.); крест австрийский «В память войны 1813–1814 годов» (вручен в 1815 г.); медаль прусская «В память войны 1813–1814 годов» (вручена в 1815 г.) и звезда ордена Св. Андрея Первозванного, к которой был присоединен клинком вверх миниатюрный меч от шведского военного ордена Меча⁶.

Император Николай I

Основные характеристики «породы» Романовых были «заложены» Павлом I и его женой императрицей Марией Федоровной. Внешне сыновья Павла I очень разные. Больше всего походил на Павла I его второй сын – великий князь Константин Павлович.

Самым представительным из сыновей Павла I его третий сын – император Николай I. Он внешне совершенно не походил на своего маленького, курносого, с холерическим темпераментом отца. Один из мемуаристов описывал внешний облик 29-летнего Николая Павловича следующим образом: «Высокого роста, сухощав, грудь имел широкую, руки несколько длинные, лицо продолговатое, чистое, лоб открытый, нос римский, рот умеренный... Свежесть лица и все в нем выказывало железное здоровье и служило доказательством, что юность не была изнежена и жизнь сопровождалась трезвостью и умеренностью»⁷.

Это описание достаточно объективно. Царь действительно имел атлетическую фигуру. Надо заметить, что в мужской и женской моде того времени широко использовались корсеты.

Великий князь Николай Павлович. *О. Кипренский. 1816 г.*

Так, в комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» Скалозуб характеризуется как «хрипун», «удавленник», «фагот». Эти определения свидетельствуют не только о характере, но и о перетянутой талии. А. С. Пушкин использовал фразу, безусловно, понятную современникам – «гвардейцы затяжные». Кроме этого, в одежде мужчин, для того чтобы придать фигуре требуемые формы, использовалась и вата.

Надо заметить, что к своей внешности Николай Павлович относился с иронией. В 1833 г. император писал своему «отцу-командиру» И.Ф. Паскевичу: «Желал бы с тобой быть неразлучным; за невозможностью сего, прошу тебя в замену оригинала принять и носить подобие моей хари»⁸. Под «моей харей» Николай I имел в виду одно из высших имперских отличий – миниатюрный портрет императора, усыпанный бриллиантами.

Современники внимательно фиксировали малейшие изменения во внешнем облике императора. Во время официального визита в Англию в 1844 г. британцы оценивали Николая I и по внешним «параметрам». Один из сановников королевы Виктории отметил, что русский царь «потолстел и что у него несколько поредели волосы на голове, но все-таки он оставался прежним благородным, величественным человеком, царем с головы до ног. Его лицо отличалось открытым выражением, и хотя глаза у него были очень подвижны, но в них скорее выражалась беспокойная наблюдательность, чем подозрительность»⁹.

На рубеже 1830—1840-х гг. Николай I начал носить парик. Он не делал из этого секрета. Встречаясь с американским посланником в 1837 г., он без особых комплексов признавал, что «волос-то у меня немного, да и те седые. А ведь это у меня парик, – пояснил он, проводя рукой по голове»¹⁰. Надо заметить, что в ту пору отношение к мужским парикам было совершенно иным, чем сегодня. Со времен Петра I и до конца XVIII в. парики были обязательной деталью повседневного облика российских мужчин аристократов. И хотя в начале XIX в. парики постепенно вышли из употребления, в их ношении не было ничего необычного.

Говоря о прическе и париках императора, следует отметить, что первые парики у Николая Павловича появились в январе 1812 г., когда 16-летний великий князь начал принимать участие во взрослых маскарадах¹¹.

В качестве парикмахера Николая I обслуживали и профессионалы, и «любители». Например, в апреле 1833 г. его дважды подстригал мундшенковский помощник¹ Федоров (25 руб. за стрижку), в июне – отставной унтер-офицер Максимов и лакей Востриков, в сентябре – камердинер Сафонов, в октябре, ноябре и декабре – вновь мундшенковский помощник Федоров¹². Складывается впечатление, что уже в это время император носил парик-накладку, поэтому «любители» только коротко подстригали отросшие под париком волосы.

Наряду с «любителями» у императора был и профессиональный парикмахер. Его услуги оплачивались раз в полгода. В мае 1833 г. парикмахеру Этиену было выплачено за услуги 245 руб. Именно он изготавливал для царя накладки, чтобы скрыть наметившуюся лысину. В апреле 1834 г. парикмахер получил «за стрижку волос и накладки 230 руб.»¹³. Как правило, Этиен готовил царю по две накладки на голову в год. Со второй половины 1830-х гг. накладки для Николая Павловича стали делать самые разные мастера: парикмахер Хемот (стоимость одной накладки – 135 руб.), парикмахер Фелео (стоимость накладки – 75 руб. 71 коп.), парикмахер Этиен (за накладной парик – 58 руб. 87 коп.).

Кроме этого, Николай I, внимательно следивший за своей внешностью, использовал не только помаду для волос, которую ему поставлял все тот же парикмахер Этиен, но и специальную мазь для усов. Во время череды январских и февральских балов брутальный Николай Павлович, следуя моде, завивался (парикмахер Хемот получил за завивку в январе и феврале 1845 г. 69 руб. 30 коп.).

Тщательный уход за внешностью обходился Николаю I в приличную сумму. Например, за 1837 г. парикмахер Этиен заработал 966 руб. Эта сумма включала стоимость стрижек, накладок и помады для Николая I.

¹ Мундшенок – придворный чин, заведовавший напитками. Винолий, виночерпий, виночерпец, виночерпий м., виночерпица ж.; стар, чашник, заведывавший напитками, разливавший и подносивший их; кравчий, крайчий; кельнер, мундшенок. «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля.

Главным парикмахером Николая I с начала 1830-х гг. и до 1843 г. оставался Этиен. Однако позже его место заняли другие парикмахеры (Шемио, Гелио, Хемот, Гешот, Персон). Следует отметить, что, по мере того как волосы царя редели, гонорары придворных парикмахеров сокращались.

Одежда императора Николая I

В России императоры носили только военную форму. Это было «железное» правило, поскольку они считали себя именно офицерами на троне. Барон М.А. Корф упоминал, что военных офицеров Николай I всегда считал «своими». На одном из частных балов, где было больше статской, чем военной молодежи, барон услышал, как император спросил у одного генерала: «Что тут так мало наших?»¹⁴ Только покидая территорию Российской империи, российский император мог позволить себе носить партикулярное платье². Шитье новых мундиров для Николая I финансировалось из его «Гардеробной суммы»³. Расходы на содержание самых разнообразных мундиров в достойном виде, как и на шитье новых, выливались царю в очень значительные суммы.

Из этой же «Гардеробной суммы» Николай I оплачивал и первые военные мундиры своих детей и внуков. Великие князья свои первые военные мундиры одевали в раннем детстве.

² Партикулярное – партикулярный, частный; неофициальный, неслужебный, неформенный. Партикулярное платье, невоенное, гражданское.

³ «Гардеробная сумма» – часть личных средств императоров, выделяемых из сумм Кабинета Его Императорского Величества (Е. И. В.). При Николае II «гардеробная сумма» составляла 20 000 руб. в год.

Император Николай I. *ЕМ. Ботман. 1856 г.*

Первый солдатский мундир по форме Измайловского полка, стоимостью в 10 руб., для великого князя Николая (будущего Николая I) был сшит в 1801 г., когда ему было только 5 лет. Первый генеральский мундир (стоимостью в 35 руб.) у Николая появился в 14 лет, в 1810 г.¹⁵ Существовала традиция, по которой мальчики из дома Романовых с 5 до 7 лет носили солдатские мундиры, с 7 до 16 лет – штаб-и обер-офицерские, а после 16 лет – генеральские мундиры.

С 1817 г. статья расходов «на обмундирование» становится самой большой в «Гардеробной сумме» великого князя. Если указать имена всех лиц и фирм, работавших над внешним обликом императора Николая I, то список получается довольно обширный.

Прежде всего, следует перечислить портных императора. Круг портных, постоянно «обшивавших» царя, сложился постепенно. Среди них были портные-универсалы, которые «шили все». Были полковые портные, лучше которых сшить мундир «их полка» не мог никто. «Ведущим» портным Николая I был Акулов (иногда в документах – Окулов), имя которого встречается в исторических источниках на протяжении двух десятков лет, с начала 1830-х до конца 1840-х гг.

Всего с начала 1833 по 1853 г. в документах упоминается восемь имен портных: Акулов – «за шитие нового мундира и переделку старых – 745 руб.»; Малиновский – «за мундир для принца прусского Альберта – 400 руб.»; Иванов – «за казачий мундир – 450 руб.»; Ефимов – «за черкесское одеяние – 909 руб. 50 коп.»; Фрейде – «за переделку мундиров и сшитый гренадерский мундир – 373 руб. 50 коп.»; Маркевич – «за чикчир – 120 руб.»; Мазокевич – «за гусарский мундир – 1850 руб.» и Бельнтейн.

Из этих имен следует упомянуть имя портного А. Фрейде, который являлся «портным мастером Его Императорского Высочества великого князя Михаила Павловича». Примечательно то, что Фрейде уже в 1830-х гг. использовал на своем фирменном бланке герб Российской империи, фактически имея статус поставщика Высочайшего двора. Однако только с 1856 г. имперский герб станет официальной визитной карточкой поставщиков Императорского двора.

Для сшитых или переделанных мундиров требовалась различная фурнитура, заказывали ее на Придворной эполетной фабрике Е.Д. Битнер, которая находилась «близ Аничкина моста, в Троицкой улице № 10». Счета этой фабрики в «Гардеробной сумме» были регулярными и весьма солидными, вполне сопоставимыми со стоимостью новых мундиров. Например, эполеты и ташка⁴ обошлись Николаю I в 220 руб. 50 коп.; пара золотых пехотных артиллерийских генерал-адъютантских эполет с чеканными золотыми пушками⁵ и такими же серебряными толстыми вензелями стоили 135 руб. Аксельбант золотой форменный, с особенной арматурой на наконечниках, обошелся в 70 руб.

Примечательно, что Николай I, назначая шефами российских полков иностранных венценосцев, по традиции дарил им и полную форму подшефных полков. Например, для его королевского высочества принца Генриха Нидерландского на эполетной фабрике были заказаны золотые контр-адмиральские эполеты с вышитыми орлами (73 руб.), золотые эполеты с вышитыми орлами по форме «№ 12-го Экипажу» (75 руб.) и кивер флотский с вызолоченным гербом 12-го Экипажа (10 руб.). Мундирные пуговицы десятилетиями покупали у «пуговичника» Буха.

Генеральские мундиры в Николаевскую эпоху щедро украшались золотым шитьем. Для царя мундиры расшивали золотошвеи из мастерской Залемана. Расшивались в основном воротники и обшлага генеральских мундиров. Так, золотое шитье только одного воротника для мундира Гродненских юсар обходилось в 75 руб.

Неотъемлемой частью военных мундиров были ордена. Их Николай I заказывал только у золотых дел мастера Кеммерера¹⁶, а у фабриканта Локтева приобретались орденские ленты.

Со временем Николай Павлович стал оплачивать «подарочные» мундиры своих сыновей. Поэтому свои первые мундиры великие князья получали в подарок от отца. Именно с этого

⁴ Ташка – сумка, подвесная сума. Охотничья ташка, яхташ. Положи коровай в ташку, иновг., в суму или котомку. Гусарская ташка, кожаный карман на отлете, вроде украшения.

⁵ Золотые пушки – металлическая арматура на каске, обозначающая принадлежность к тому или иному роду войск. В данном случае – к артиллерии.

момента начиналось их настоящее приобщение к военной службе. По распоряжению Николая I портной Акулов сшил первый генеральский мундир для цесаревича Александра Николаевича, который обошелся в 516 руб. В 1845 г. царь оплатил портному Акулову два мундира для своего второго сына Константина Николаевича.

В октябре 1838 г. для третьего сына императора, семилетнего Николая Николаевича, была сшита «экипировка лейб-гвардии Уланского полка»¹⁷. А в конце июля 1838 г. Николай I в письме к сыну писал: «Вот и семь лет тому протекло, и вместе с этим, по принятому у нас в семье обычаю, получил ты саблю!!! Великий для тебя и для нас день»¹⁸.

В 1839 г. четвертый сын царя Михаил Николаевич, когда ему исполнилось семь лет, получил свой первый офицерский мундир, сшитый портным Фрейде.

Поскольку мальчики из царской семьи с 5 до 7 лет носили солдатскую форму, то в сентябре 1848 г. пятилетнему Николаю Максимилиановичу, сыну герцога Лейхтенбергского и дочери Николая I, дедушка подарил солдатскую форму «от закройщика Остогова» за 100 руб. В 1849 г. шестилетнему мальчику дедушка подарил уже ружье и шашку (65 руб.). Солдатская форма для первого внука Николая I пятилетнего Николая Александровича (Никсы) стоила в 1848 г. 80 руб.

Перед официальными визитами за границу император обновлял те мундиры иностранных полков, которые предполагалось посетить во время визита. Эти мундиры, как правило, выписывались из-за границы. В 1824 г. в Пруссии портному Клею «за сделанный для Его Высочества один мундир и одни рейтузы» было уплачено «прусскою монетою 56 талеров»¹⁹.

Заканчивая рассказ о мундирах, нельзя не упомянуть еще об одном важном качестве Николая Павловича. Дело в том, что этот грозный монарх любил детей. При этом не только собственных. Николай I придал новый импульс развитию системы кадетских корпусов, внимательно следя за ними и посещая их регулярно. Эти посещения выливались для царя в серьезные «мундирные потери».

Художник А.П. Боголюбов, проведенный детство в Александровском кадетском корпусе Царского Села, вспоминал: «Детей Николай любил, ибо не проходило двух недель, чтобы кто-нибудь из высочайших особ не навещал Корпуса, а потому держали нас чисто, кормили хорошо и заботились о нашем здоровье.

Случалось, что Государь входил в зал, где нас кишело до 400 ребят и стоял гул, как в громадном птичнике, где разнопородные гогочут и щебечут по-своему на все лады. «Здорово, детки!» – говорил он голосом, которого уже после никогда не забудешь, и вдруг мертвая тишина воцарялась в зале. «Ко мне!» – и опять взрыв шума и такая мятка вокруг него, как в муравейнике. Нередко он ложился на пол. «Ну, подымайте меня», – и тут его облепляли, отвинчивая пуговицы на память, и т. д. Всего более страдал султан шляпы, ибо все перья разбিরались, как и пуговицы, и в виде памяти клеились в альбомы. Наигравшись вдоволь, он нас ставил поротно во фронт»²⁰.

Следует заметить, что традиция «откручивания пуговиц» была характерна не только для кадетских корпусов, но и для институтов благородных девиц, и монархи, зная об этой традиции, вполне сознательно шли на эти «мундирные утраты».

Поскольку мужчины из дома Романовых военную форму носили с 5 лет и буквально до гробовой доски (все Романовы, лежащие в усыпальнице Петропавловского собора, похоронены в военной форме), то именно военная форма была для них самой удобной и естественной одеждой. Дочь Николая I вспоминала, что любимой домашней одеждой ее отца был «военный мундир без эполет, потертый на локтях от работы за письменным столом»²¹.

Длительное время работал на императора перчаточник Ф. Френцель. Статья расходов на перчатки была довольно большой, поскольку белые перчатки быстро пачкались. Эти перчатки отдавались Френцелю в чистку и «мытьё». Например, «мытьё» четырех пар перчаток стоило

всего 1 руб. 50 коп., а изготовление 16 пар новых перчаток обходилось в 128 руб., т. е. по 8 руб. за пару.

Френцель шил Николаю I не только новые перчатки, но и панталоны. Он же обеспечивал царя подтяжками. Панталоны были разные. В документах упоминаются панталоны «лосиные» (128 руб. 40 коп.), «цветные», «крепкие» (175 руб.) и «простые» (125 руб.). О том, что такое «лосиные панталоны» и как они сидели на офицерах, читатель может представить по портрету Евграфа Давыдова кисти О. Кипренского в Русском музее. О том, как одевались и носились эти панталоны, надо рассказывать отдельно. На зимнее время панталоны шились из тонкого шерстяного трико, которое покупали у купца Мельникова. Чистка панталон обходилась в 6 руб.

Лакеи и камердинеры, числившиеся при «Собственном гардеробе», также не упускали возможности заработать «на царе». Однако это были «разовые акции», видимо, связанные с какими-либо непредвиденными обстоятельствами. Например, гардеробский помощник Иванов получил «за шитье для Его Величества панталон» 36 руб. и за шитье шлафроков⁶ – 30 руб. Камердинеру Гримму за то, что он прикрепил кокарды к фуражкам, было выплачено 36 руб. 12 коп. Гардеробский помощник Шпицбарт брался даже за «переделку мундира», заработав 35 руб. Кастелянша Страус «за переделку 10 пар шелковых чулок Его Величества» получила 16 руб.

За верхней зимней одеждой царя следил скорняк Михельсон. Заказы ему были разные. «За переделку шубы» заплатили всего 45 руб., но поступал и заказ на два бобровых воротника в 750 руб.

Головными уборами «на заказ» Николая I обеспечивал шляпник Циммерман («за круглую шляпу – 55 руб.») и шляпник Можайский («за переделку 17 фуражек – 25 руб. 50 коп.»). В магазине офицерских вещей Сургучева для царя покупали готовые фуражки, каски и шляпы. Там же брали всю необходимую фурнитуру (кокарды, султаны и пр.). В этом же офицерском магазине приобреталось и оружие («за шашку черкесскую и прочие починки султанов – 232 руб. 75 коп.»).

Обувь для царя, как правило, шилась на заказ. На протяжении четверти века обувь для Николая I изготавливал мастер Пемо. Стоимость его работы, по сравнению с расценками портных, была довольно низкой: новые каблуки обходились в 1 руб.; 6 пар штрипков под панталоны – 1 руб. 20 коп.; поправка сапог – 85 коп.; новые лакированные сапоги стоили 13 руб.; шпоры к сапогам – 2 руб. 50 коп. Поскольку сапоги должны были сидеть «как влитые», то их шили в обтяжку ноги, и для легкого одевания сапожник продавал мыльный порошок по 30 коп. за пакетик. Теплые, зимние сапоги стоили значительно дороже, но, судя по счетам, Николай Павлович их заказал только однажды, в январе 1835 г., сапожнику Хейде по цене 150 руб. за пару.

Для того чтобы сохранять обувь, использовался лак для сапог из магазина Бабста и вакса, которую покупали у фабриканта Быкова. Также единственный раз встречается в списке счетов по «Гардеробной сумме» упоминание о приобретении готовой обуви в башмачном магазине Брюно (42 руб. 90 коп.).

Кроме крупных вещей любой гардероб включает множество мелких вещей. Дочь Николая I упоминала в записках, что Николай Павлович предпочитал носить шелковые носки. Примечательно, что их покупали прямо «от производителя» и оптом. В ноябре 1848 г. у московского фабриканта Андрея Коколкина было приобретено 6 дюжин шелковых чулок на 360 руб.

Купец Эренберг поставлял в царский гардероб батистовые платки (две дюжины обходились в 160 руб.). У него также приобреталось голландское полотно, из которого Николаю Павловичу шили рубашки. Полотно покупали оптом. Ткань для «6 дюжин сорочек для Его

⁶ Шлафрок – или шлафор, м. нем. – халат, спальная одежда.

Величества» обошлась в 2450 руб., там же «брали» ткань и для полотенец. Рубашки и все необходимое для царя шила белошвейка Гринберг.

Из других мелочей можно упомянуть о галстуках (купец Бабст), черных шелковых платках (лавка Энбута). В магазине «Дилла и К°» покупали манишки, воротники и шарфы.

Со временем Николай Павлович начал полнеть, и в ноябре 1836 г., когда ему было 40 лет, впервые был заказан бандаж, которым «утягивали» живот под мундиром, при этом грудь становилась более выпуклой. Выполнил этот заказ «бандажный мастер» Остерлов.

Кроме одежды покупались различные повседневные мелочи: резедовое, миндальное и розовое масло «для туалета Его Величества», полотенца, щетки для волос. В английском магазине было закуплено 8 дюжин розового мыла для рук (54 руб.). За доставленные из Лондона 12 дюжин миндального масла заплатили 178 руб. При этом все положенные таможенные пошлины за импортный товар немедленно отправлялись на Санкт-Петербургскую таможню.

Портные, поставщики Высочайшего двора, очень хорошо зарабатывали при подготовке высочайших визитов в Европу. Одной из весьма характерных особенностей таких визитов было то, что российские императоры могли во время неофициальных поездок носить «партикулярное платье».

Не отказывался от этой возможности даже Николай I, буквально сросшийся с военной формой. В 1833 г. он заказал портному Рутчу статское платье за 875 руб. В 1838 г. тот же портной Рутч «за партикулярное платье для чужих краев» получил 988 руб. Будучи в 1845 г. в Дрездене, Николай I инкогнито посетил знаменитую галерею. Во время этого визита на нем был «синий, открытый спереди короткий сюртук, шелковый темно-коричневый жилет с вышитыми на нем цветочками и серые брюки; на голове имел он цилиндр, что увеличивало высокий его рост. В правой руке незнакомец держал тоненькую тросточку с серебряным набалдашником, а левая, одетая в перчатку, сжимала снятую с правой руки»²². К сожалению, изображения грозного императора в «жилете с цветочками» до нас не дошли, их, видимо, и не было, но можно с уверенностью утверждать, что Николай Павлович одевался по последней европейской моде.

Телосложение

Как уже упоминалось, Николай I отличался прекрасной выправкой и до конца жизни имел атлетическую фигуру. В 1849 г. его осматривал врач Конногвардейского полка Ф.Я. Карелль. Молодого врача поразило телосложение императора. С естественным чувством собственной значимости молодой доктор рассказывал знакомым «разные подробности из внутренней дворцовой жизни». Одну из этих подробностей приводит барон М.А. Корф в своих записках: «Карелль не мог довольно выразить удивления своего к атлетическому, необычному сложению его тела. Видев его до тех пор, как и все, только в мундире и сюртуке, я всегда воображал себе, что эта высоко выдававшаяся грудь – дело ваты. Ничего не бывало. Теперь, когда мне пришлось подвергать его перкуссии и аскультации, я убедился, что все это свое, самородное; нельзя себе представить форм изящнее и конструкции более Аполлоново-Геркулесовской!»²³

Мемуаристы сохранили крайне редкие сведения о росте императора. Один из мемуаристов приводит диалог между Николаем Павловичем и актером Василием Каратыгиным, состоявшимся в ноябре 1838 г. после окончания спектакля по пьесе Н.А. Полевого «Дедушка русского флота»: «К игравшему роль Петра I Василию Каратыгину подошел Николай Павлович с приветливыми словами. «Ты совершенный Петр Великий!» – сказал он, любуясь им. – «Нет, государь, он был выше меня: 2 аршина 14 вершков». – «А в тебе?» – «Двенадцать». Государь померился с ним. «Все ты выше меня: во мне 10,5»»²⁴. Нетрудно посчитать, что в переводе

на современную метрическую систему рост императора был 189 см (рост Петра I – 203,5 см). Следует отметить, что все Романовы были, по меркам того времени, очень высокими. Этим они обязаны (по крайней мере, по официальной версии) своей матери, императрице Марии Федоровне.

Мемуаристы много писали о глазах императора. Его большие голубые глаза бывали очень разными. Так, политические противники превратили в штамп «оловянные глаза» Николая Палкина. Многие писали о глазах «василиска», которые буквально превращали подданных в камень, особенно если император изволил гневаться. При этом наиболее догадливые даже падали в обморок.

Так или иначе, на протяжении четверти века Николай I вполне соответствовал канонам мужской красоты своей эпохи. Высокий, атлетического телосложения, прекрасный кавалерист «с талией», на лице которого блестели бледно-голубые глаза, он был наделен еще и обаянием власти, что во все времена так ценят женщины. Многочисленные официальные портреты подтверждают описания мемуаристов. Можно только сожалеть, что не сохранилось ни одной фотографии Николая Павловича, хотя известно, что во второй половине 1840-х гг. он держал в руках «фотоаппарат», переданный им в Академию наук.

Характер

Николай I был скрытен и недоверчив. При этом он обладал высоким чувством ответственности, заставившим его «замкнуть» управление империей лично на себя, работая по 18 часов в сутки. Высокая требовательность к себе заставляла его требовать того же и от подчиненных. В своей деятельности он опирался на военных, будучи искренне уверенным, что толковый строевой генерал в состоянии наладить четкую работу как Медицинского ведомства, так и Министерства народного просвещения. Присущие Николаю I спокойная уверенность в своей власти, харизма императора приводили в трепет даже его ближайших соратников.

Иногда мог быть безжалостным и беспощадным, но только в тех случаях, когда понимал, что возникший негативный прецедент повлечет серьезные последствия для всего государства. При этом император руководствовался не сиюминутными личностными порывами, как это случалось у его отца, холеричного Павла I, а государственной целесообразностью.

Николай I мог вспылить на людях, хотя в него с детства вбивалась привычка скрывать свои чувства и мысли. Однако в «своей», офицерской среде он мог позволить себе «отпустить тормоза». Но даже эти нечастые эмоциональные выплески император мог обратить себе на пользу, не только в силу «профессиональной» привычки просчитывать последствия своих поступков, но и в силу своего действительно благородного характера. Один из мемуаристов описывает, как на маневрах в Красном Селе Николай I «на чем свет стоит, не стесняясь в выражениях», обругал генерала Пенкержевского. «На следующее утро государь приглашает всех генералов и, выйдя к ним, говорит с присущим ему благородством: «Господа, вчера я совершенно забылся перед генералом П. Когда я команду войсками, то никак не могу сдерживаться и не выходить из себя. Мне уже сорок лет, а я до сих пор не преуспел в обуздании собственной вспыльчивости. Итак, господа, прошу вас впредь не принимать близко к сердцу мои слова, сказанные в гневе или раздражении. Ты же П., прошу, прости меня; я не желал тебя оскорбить, будем друзьями». И он сердечно обнял генерала»²⁵.

Николай Павлович был любящим мужем и отцом, неплохим педагогом и тонким психологом. Когда в 1849 г. Николай Павлович отправлял в Венгерский поход второго сына Константина Николаевича, то он составил для него инструкцию из 17 пунктов. Если сократить ее до отдельных пунктов, то она выглядела бы следующим образом: не высовываться, быть предельно корректным, без фамильярности, слушать, записывать, анализировать, но публично никаких оценок не давать, почестей как великому князю не принимать.

Многие десятилетия, стараниями либерально-советской историографии, личность Николая I преподносилась исключительно в образе грубого солдафона с оловянными глазами. Это не так. Конечно, Николай I не был идеальным, на его совести много грехов, как и у всякого политика. Но это был сильный, порядочный человек, русский офицер с высоким чувством ответственности за страну.

Император Александр II

Многочисленные портреты запечатлели внешность Александра Николаевича на протяжении всей его жизни. Кроме этого до нас дошли многочисленные фотографии, как официального, так и семейного характера. Поэтому изменения его внешнего облика на протяжении всего царствования прослеживаются в деталях.

В юные годы – типичный «прекрасный принц» из германских сказок. Наследник громадной империи, обладатель несметных сокровищ, обаятельный и прекрасно воспитанный молодой человек. Наследник был высоким, учитывая стандарты середины XIX в. Его рост составлял 186 см. Следует отметить, что Александр II всегда очень внимательно следил за своей внешностью. В различных музейных собраниях сохранились коллекции его многочисленных мундиров. Став императором в 1855 г., он сразу начал «переодевание» военной, придворной и бюрократической элиты.

Александр II с детства отличался хорошим физическим развитием. У него были пропорциональная фигура, высокий рост и правильные черты лица. Он был безупречно воспитан. К ношению военной формы Александр II приучался с детства, она сидела на нем «как влитая». Он знал об этом и искренне любил военную форму, умея ее носить. К военной форме во всех ее проявлениях он относился с любовью. Так, в своей приемной в Зубовском флигеле Екатерининского дворца в Царском Селе он держал часть «военно-мундирной» коллекции Николая I. Ее стены украшали картины с изображениями мундиров, «под стеклянными колпаками стояли куклы, изображающие ординарцев»²⁶, в форме различных полков русской армии.

Современники единодушно отмечали, что «мундир сидел на нем как-то особенно щеголевато, грудь выделялась, талия стройно перетянута по-николаевски»²⁷. Вплоть до реформы военной формы в период правления Александра III высшим шиком в ношении офицерской формы считалась именно эта «николаевская» статья.

Военный министр Д.А. Милютин, пытавшийся модернизировать армию по современным для того времени стандартам, не раз сталкивался с непрошибаемым упорством Александра II в вопросах, касавшихся малейших изменений в военной форме. Он писал: «Государь придавал вообще большое значение мундиру и мельчайшим подробностям формы. Сам он надевал мундир того или другого полка в известные дни, соответственно связанным с ними воспоминаниям или по другим соображениям, доходившим иногда до такой тонкости, что нелегко было с первого раза угадать их. Так, например, в годовщину какого-нибудь сражения он надевал форму полка, особенно отличившегося в этом бою; удостаивая своим посещением бал, Государь приезжал в мундире того полка, в котором некогда служил хозяин или отец хозяйки, и т. п. Таких же утонченных соображений в выборе соответствующего каждому случаю мундира государь требовал и от членов своего семейства... тому, кто не обладал достаточной догадливостью в этом отношении, Государь делал замечания»²⁸.

Периодически военный министр приходил в отчаяние от бесконечных «идей» Александра II, связанных с не менее бесконечным «совершенствованием» военной формы: «Независимо от большого числа текущих дел, много времени потрачено на разговоры о задуманных самим Государем переменах в обмундировании (в цветах погонов и воротников)... Иная великая государственная реформа проводится легче, чем какое-нибудь изменение цвета погона или отмена тесака у барабанщика»²⁹.

Выезжая за границу, Александр II переодевался в статское платье и наслаждался «свободой». Конечно, его «свобода» была относительной, поскольку царя постоянно сопровождали сотрудники III Отделения Собственной Его Императорского Величества (С.Е.И.В.) Канцелярии, и тем не менее, в 1867 г. в Париже «Государь и оба великие князья переоделись в штат-

ское платье и поехали в русскую церковь, где было отслужено молебствие. Вечером того же дня они были в театре des Varietes, на представлении Оффенбаховой оперетки «Герцогиня Геро-лынтейн»; в антрактах гуляли по бульвару, наслаждаясь своим incognito, как школьники, выпущенные на каникулы.

Император Александр II. *ЕМ. Ботман. 1856 г.*

На другой день, в воскресенье, Государь и великие князья, опять в штатских платьях, были у обедни в русской церкви, где собралось много русских, после завтрака присутствовали

на скачках на Longchamp, а потом ездили в Сент-Клу, чтобы взглянуть на юного наследного принца... государь и великие князья пользовались свободными часами и доставляли себе развлечения, посещая в строгом incognito парижские театры и общественные гуляния. Эти редкие для них развлечения частной жизни доставляли им, конечно, более удовольствия, чем роскошные и блестящие балы, которые давались в честь царственных гостей...»³⁰.

Что касается прически Александра II, то он, будучи молодым человеком, носил небольшие, щегольские усики с зачесанными, по моде того времени, висками. В 1840 г. на его лице появились бакенбарды, которые тогда еще не были соединены подусниками с усами. На портретах «совершенно модного живописца» Ф. Крюгера эти нюансы внешнего облика царя тщательно зафиксированы. Именно с этой прической – зачесанными на правую сторону волосами, усиками и бакенбардами – Александр II короновался в 1856 г.

Со временем эта прическа получила дальнейшее развитие. Именно Александр II ввел в 1860-х гг. новый стандарт прически, включавшей сложную конструкцию из ухоженных усов с подусниками и роскошных бакенбард. Вся эта «конструкция» на лице органично сочеталась с тщательно уложенными волосами. При этом Александр II никогда не носил бороды.

Естественно, вся элита Российской империи немедленно, с большим или меньшим успехом, воспроизвела на своих лицах эту сложную «конструкцию». Даже наследник-цесаревич, великий князь Александр Александрович, во второй половине 1870-х гг. на некоторое время отпустил длинные бакенбарды.

Надо заметить, что со времен знаменитого «резания бород» Петром I в декабре 1699 г. форма растительности на лице мужчин приобрела явный политический подтекст. Более того, это регулировалось законодательно. Перечень законов, регламентирующих мужские прически, весьма внушителен.

Мундир генерал-фельдмаршальский лейб-гвардии Павловского полка. Кат. 295

Мундир генерал-фельдмаршальский лейб-гвардии Литовского полка. Кат. 295

Одежда Александра II. *а, б* — мундиры генерал-фельдмаршальские лейб-гвардии Павловского и Литовского полков; *в* — форма генерала лейб-гвардии гусарского Гродненского полка; *г* — сюртук гражданский

Начало этому перечню было положено в январе 1705 г., когда Петром I был подписан указ «О бритии бород и усов всякого чина людям, кроме попов и дьяконов, о взятии пошлин с тех, которые сего исполнить не захотят, и о выдаче заплатившим пошлину знаков»³¹. Законодательное преследование бородачей велось с завидным постоянством. Так, в марте 1837 г. Николай I подписал указ «О не ношении лицам, имеющим придворные звания, усов и бород». В указе отмечалось, что «многие из состоящих в звании камергеров и камер-юнкеров позво-

ляют себе носить усы, кои присвоены только военным, и бороды в виде жидовских», поэтому император «повелеть соизволил: строжайше воспретить, дабы никто из имеющих придворные звания, не осмеливался носить ни усов, ни бород»³². Кроме этого, когда в конце 1840-х гг. начался знаменитый дискурс западников и славянофилов, то у последних «русская» борода стала своеобразным политическим знаменем, что вызвало гонения властей. Только в 1874 г. Александр II разрешил ношение бороды во всех войсках и на флоте, кроме гвардии, гренадер и императорской свиты³³. При этом отдельным указом в 1875 г. военным было запрещено фабрить бороды и усы³⁴. Примечательно, что сам Александр II не терпел бородачей, поэтому в его окружении их не было. Однако некоторые лица из свиты царя имели такие разросшиеся бакенбарды, что бритый подбородок буквально терялся среди них, и они выглядели со стороны настоящими бородачами, соблюдая при этом «букву» законов.

Со временем на голове у Александра II появились глубокие залысины, но он так и не изменил своей прически, сохранив зачес волос на правую сторону, и никогда не носил парика. Можно отметить, что с возрастом размер его усов несколько увеличился. На официальных портретах конца жизни императора видна некоторая «неухоженность» его прически – разросшиеся усы с подусниками и не очень аккуратно уложенные волосы.

Внешний облик российских императоров был тесно связан с их харизмой. Многие современники Александра II отмечали космополитичность и некоторую вялость характера царя. Оценивая характер Александра II, фрейлина А.Ф. Тютчева отмечала, что, по ее мнению, «он не был государем, популярным в истинном смысле слова; народ не чувствовал притяжения к нему, потому что в нем самом совершенно отсутствовала национальная и народная струна... Человеческая природа такова, что она более ценит людей за них самих, чем за их дела»³⁵. Отчасти так и было. По воспитанию, манерам и поведению Александр II являлся скорее европейским монархом, совершенно не обладая «национальной спецификой», столь характерной для его сына – Александра III.

А.Ф. Тютчева, наблюдавшая Александра II на протяжении полутора десятков лет и старавшаяся быть объективной в своем отношении к нему, писала, что в свои 35 лет (1853 г.) цесаревич «был красивый мужчина, но страдал некоторой полнотой, которую впоследствии потерял. Черты лица его были правильны, но вялы и недостаточно четки; глаза большие голубые, но взгляд мало одухотворенный; словом лицо его было маловыразительно, и в нем было даже что-то неприятное в тех случаях, когда он при публике считал себя обязанным принимать торжественный и величественный вид»³⁶.

Современники подмечали и мелкие особенности в поведении Александра II, которые его не красили. Впрочем, подобные черточки можно при желании обнаружить почти у всех. Граф С.Д. Шереметев, товарищ детства Александра III, вспоминал: «Бывало, как государь сильно горячится, волнуется по мере того, что говорит, глаза становятся совсем круглыми, голос, и без того картавый, становится раздражительным и крикливым. Очень неприятно было видеть его в такие минуты, чувствовалось что-то несильное в этом раздражении, которое с годами все увеличивалось. Он не всегда держался меры, и многим приходилось от него выслушивать неподходящие слова»³⁷. Откровенные недоброжелатели, которых всегда много у публичных политиков, называли царя «бодрилой», а писатель Д.В. Григорович (в кругу близких людей) прямо глумился над ним, «уморительно имитируя его басок и картавость»³⁸.

Говоря об особенностях характера Александра II, следует отметить его чувство долга и ответственности, что было характерно для всех Романовых в XIX столетии. Так, присутствуя на театре военных действий, Александр II выполнял преимущественно инспекторско-представительские задачи, посещая, в числе прочих, многочисленные госпитали, при этом царь «заходил в палаты тифозных и горячечных»³⁹.

Но даже симпатизировавшие императору современники, отдавая ему должное, считали его слабым. Слабым человеком и слабым, подверженным влияниям самодержцем. Амплитуда колебаний его внутривластного курса была значительна, от либеральных реформ 1860-х гг. до «закручивания гаек» в 1870-х гг. Это также отражение его характера. При этом Александр II очень ревностно относился к власти. Своих старших сыновей он приобщал к власти, следуя традиции и здравому смыслу, но делал это с некоторой оглядкой. Граф С.Д. Шереметев отмечал: «В основе характера государя таилось мелочное чувство, и то была ревность. Она проявлялась в нем не раз и по отношению к самым близким ему людям. Такое чувство испытывал он по отношению к императрице и даже к цесаревичу Николаю Александровичу»⁴⁰.

Это чувство известной «ревности» проявлялось и во взаимоотношениях с соратниками. Колебания внутривластного курса, смена министров позволили князю П.А. Кропоткину справедливо отметить, что «ни в вопросах политики, ни в личных симпатиях он не был человеком, на которого можно было положиться, и вдобавок отличался мстительностью. Сомневалась, чтобы он искренно был привязан к кому-нибудь»⁴¹.

Примечательно, что Александр II в начале своего правления проводил кадровую политику, своими корнями уходившую в XVIII в. В 1860-х гг. по Петербургу ходила едкая реплика Ф.И. Тютчева, связанная с назначением на пост товарища министра финансов генерала С.А. Грейга, служившего сначала в Конногвардейском полку, а затем в Морском министерстве: «Странное дело, конногвардейскому офицеру поручают финансы; публика, конечно, удивлена, но в меру, не особенно сильно; попробуйте же Рейтерна⁷ сделать командиром Конногвардейского полка, все с ума сойдут, поднимется такой вопль, как будто Россия потрясена в своих основаниях»⁴².

⁷ Рейтерн Михаил Христофорович – граф, статс-секретарь, действительный тайный советник, член Государственного совета, министр финансов, председатель Комитета министров. Родился 12 сентября 1820 г. в г. Поречье, Смоленской губернии, умер 11 августа 1890 г. в Царском Селе.

Императрица Мария Александровна

Императрица Мария Александровна прожила в России почти 40 лет. Приехав в страну юной девушкой, она стала истинно русской. Вторая половина ее жизни в России полна драматизма. Жена, родившая мужу-императору девять детей, она трагически потеряла старшего любимого сына-цесаревича накануне его свадьбы и одновременно фактически лишилась мужа.

Картины, акварели и фотографии донесли до нас ее внешний облик. Красивая и утонченная, в молодости Мария Александровна отличалась прекрасным вкусом. В 1841 г. цесаревна носила в качестве утреннего туалета легкое батистовое или жаконетовое платье⁸ с белым вышитым воротничком, соломенную шляпу с лентами в цвет соломы, коричневую вуаль, коричневый зонтик, шведские перчатки и клетчатое мантио⁴³.

На картинах английской художницы Кристины Робертсон, считавшейся признанным мастером женского портрета и приглашенной в Россию Николаем I, изображена молодая женщина в дворцовых интерьерах. На одной из картин 1849 г., написанной в жанре парадного портрета, цесаревна Мария Александровна предстает перед зрителем стоя, в роскошном парчовом платье, ее шея и руки украшены крупным жемчугом. У цесаревны под рукой находится раскрытый фолиант с закладками. У ног – любимая левретка. Примечательна прическа будущей императрицы. Ее прекрасные густые волосы разделены посередине пробором. Эта прическа фактически без изменений сохранялась до последних дней жизни Марии Александровны.

На втором портрете, также кисти Кристины Робертсон, цесаревна Мария Александровна сидит за столиком перед раскрытой книгой. Изящный кувшин на столе подчеркивает изящество цесаревны. Безусловно, все детали этих парадных портретов тщательно продумывались и согласовывались.

Фрейлина А.Ф. Тютчева, впервые увидевшая Марию Александровну в 1853 г., отмечала, что 28-летняя цесаревна выглядела очень молодо.

⁸ Жаконетовое платье – жаконет – полушерстяная ткань с добавлением хлопка.

Великая княгиня Мария Александровна. *К. Робертсон. 1850 г.*

Несмотря на высокий рост и стройность, она отличалась худобой и хрупкостью, но это складывалось в совершенно особое изящество, «какое можно найти на старых немецких картинах». Мемуаристка отмечала, что цесаревна не являлась классической красавицей николаевской эпохи, поскольку «черты ее не были правильны». Но при этом у цесаревны – прекрасные волосы, нежный цвет лица, большие голубые (немного навекат) глаза, «смотревшие кротко и проникновенно. Профиль ее не был красив, так как нос не отличался правильностью, а подбородок несколько отступал назад. Рот был тонкий, со сжатыми губами... а едва заметная ироническая улыбка представляла странный контраст к выражению ее глаз»⁴⁴.

До нас дошла миниатюра, выполненная А.Г. Рокштулем⁴⁵ и датированная 1855 г. На ней Мария Александровна изображена в роскошном бальном платье, с синей муаровой лентой

через плечо и с миниатюрной короной на голове. Из украшений только столь любимые ей жемчуга: в прическе, на шее и в ушах.

Одним из самых известных парадных портретов императрицы Марии Александровны стало полотно художника Ф.К. Винтерхальтера, законченное в 1857 г. На этом официальном портрете, написанном вскоре после коронации Александра II, мы видим женщину еще во всем блеске зрелой красоты. Волосы, руки и шея унизаны крупными жемчугами. Пышное парадное платье обильно украшено кружевами. В изящно сложенных руках – костяной, тонкой работы веер. Молодая императрица словно только вышла из бальной залы.

На левой руке императрицы, наряду с массивными золотыми браслетами, на безымянном пальце – два золотых кольца.

Императрица Мария Александровна. *Ф.К.Винтерхальтер. 1857 г.*

Императрица Мария Александровна. Фото 1860-х гг.

Именно о них писала камер-юнгфера императрицы А.И. Яковлева: «На левой руке она носила очень толстое обручальное кольцо и другое, такое же толстое, с узорною чеканкою, поперечник такой же толщины был прикреплен большим рубином. Это – фамильное кольцо, подаренное государем всем членам царской семьи»⁴⁶. К сожалению, на картине правая рука императрицы просматривается не полностью, но камер-юнгфера упоминает, что «на правой руке, на четвертом пальце, великая княгиня носила множество колец; это были воспоминания

ее детства, юности, тут были кольца ее матери; все не дорогие и не имевшие даже особенного наружного достоинства»⁴⁷.

На фотографиях 1865–1866 гг., сделанных после пережитой личной трагедии, связанной со смертью старшего сына – великого князя Николая Александровича, умершего в апреле 1865 г., мы видим постаревшую женщину, сломленную горем. Всю оставшуюся жизнь она носила платья в темных тонах в память об умершем первенце. Примечательно, что, находясь при умирающем сыне, «она была очень тверда» и плакала меньше всех⁴⁸. Вся твердость характера понадобилась ей в 1870-х гг., когда она боролась со своей болезнью и когда ее муж Александр II поселил свою многолетнюю любовницу с детьми над покоями Марии Александровны в Зимнем дворце.

Мария Александровна была императрицей и прекрасно знала, что ревность, выставленная на показ, – дурной тон. Поэтому она никогда не показывала, что глубоко уязвлена многочисленными увлечениями мужа, которые она, в узком кругу, не без иронии называла «умилениями моего мужа»⁴⁹. Чего ей стоила эта ирония, знала только она сама.

Александр III

Будущий Александр III, второй сын в семье Александра II и Марии Александровны, до 1865 г. не рассматривался как возможный кандидат на российский престол. Родители были настолько уверены в своем Никсе⁹, который должен был стать Николаем II, что не допускали и мысли о каком-либо несчастье с ним. Сам великий князь Александр Александрович спокойно относился к своему «второму» положению и готовился к карьере гвардейского генерала. При этом между братьями сохранялись очень теплые отношения.

Великий князь Александр Александрович с детства отличался некоторой тяжеловесностью, заслужив прозвище Бульдожка. Он не был столь изящен и умен, как его старший брат, и это устраивало родителей, не желавших видеть в нем конкурента старшему сыну.

Когда цесаревич Николай Александрович в апреле 1865 г. умирал в Ницце, его младший брат был рядом с ним, а затем он присутствовал при обмывании тела, помогая обряжать покойника в чистое белье⁵⁰.

Будущий Александр III после смерти в апреле 1865 г. старшего брата Николая унаследовал от него не только титул цесаревича, но и невесту – датскую принцессу Дагмар.

Брак между цесаревичем и принцессой заключался без большой любви. Александр по приказу отца-императора был вынужден отказаться от своей первой любви – фрейлины Мещерской. В мае 1866 г. он отправился в Данию свататься. Именно тогда будущий Александр III впервые надел статское платье.

Рано начавший полнеть, высокий и крепкий Александр Александрович, видимо, чувствовал себя в гражданском костюме неловко. Однако этикет требовал от русского цесаревича, сватавшегося к датской принцессе, быть одетым именно в партикулярное платье. Сохранились фотографии этого периода.

⁹ Никса – семейное прозвище великого князя Николая Александровича.

Цесаревич Александр Александрович и Дагмар. *Фото 1866 г.*

На одной из них молодой цесаревич в темном, двубортном сюртуке, белой рубашке с отложным воротником. На этой постановочной фотографии (а в то время только такие и были) цесаревич опирается о спинку венского стула, придерживая руками темный, в цвет сюртука, котелок и перчатки. Слегка просматривается пестрый галстук.

Этот галстук хорошо виден на другой фотографии, менее официальной, из той же свадебной серии. Эта фотография уже не так статична. Одетый «по гражданке» цесаревич может себе позволить свободную позу (он непринужденно сидит на стуле, подогнув ногу), что в воен-

ном мундире было совершенно недопустимо. Расстегнутый сюртук позволяет увидеть обязательный жилет и часовую цепочку брегета. Котелок уже светлый, но, судя по всему сюртук, рубашка и галстук те же самые, что и на другой фотографии.

Конечно, цесаревич имел богатый гардероб, положенный ему по статусу. Однако современники единодушно отмечали, что Александр III тяжело привыкал к новым вещам. И если он что-либо «обнашивал» из своего гардероба, то носил эту вещь до тех пор, пока она буквально не разваливалась. Это особенно хорошо заметно по «гражданским» вещам цесаревича. У него не было большого навыка носить сюртуки и пиджаки, но в некоторых из них он, видимо, чувствовал себя хорошо. Причем это приводило к тому, что костюмы катастрофически теряли вид, несмотря на все усилия камердинеров. Кроме этого император Александр III полнел, и некоторые из привычных, но редко носимых сюртуков и пиджаков становились малы, но император упорно отказывался надевать новый костюм. Не из скупости, а потому что привык к старому.

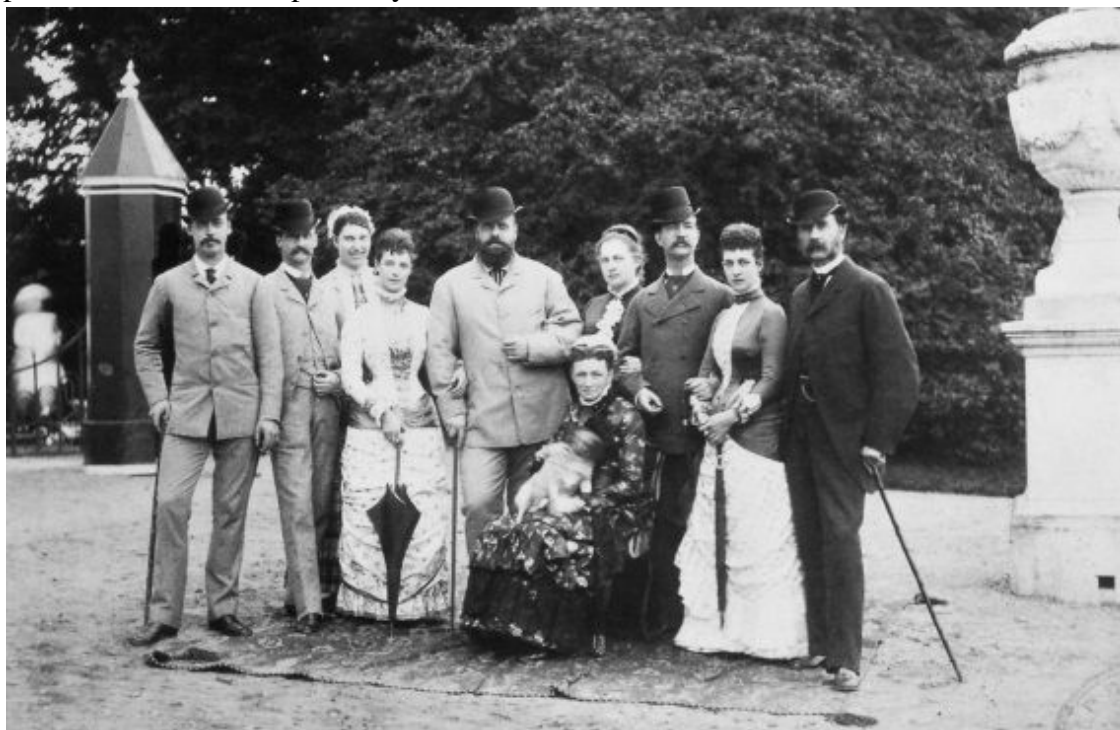
Император Александр III. *Фото 1890-х гг.*

На фотографиях хорошо видно, что пиджак мал, когда застегнут на все пуговицы, что карманы оттянуты и что его «украшают» многочисленные складки. Любопытно то, что одна из фотографий многовариантна в воспроизведениях. Видимо, фотографии российского монарха «по гражданке» были такой редкостью, что фотографы активно использовали ретушь при их подготовке для тиражирования. На исходной фотографии Александра III, одетого в гражданский костюм, держит под руку его жена, императрица Мария Федоровна. На последующих фотографиях Марию Федоровну трудами ретушеров «убрали», и император стоит один.

Как правило, костюмы Александр III позволял себе носить во время визитов в Данию, на родину жены. Эти поездки носили почти семейный характер. В Дании российский император чувствовал себя свободно и позволял себе появляться на людях в одежде, в которой он чувствовал себя комфортно.

Тем не менее у императора возникали ситуации, когда он должен был выглядеть безукоризненно. Так, во время визита в Англию в 1873 г. русский цесаревич безупречен с точки зрения внешнего вида. Об этом свидетельствуют несколько фотографий, сделанных английскими фотографами во время визита.

Следуя тенденциям европейской моды, русский цесаревич в Англии мог позволить себе надеть светлую модную «тройку» в довольно крупную клетку. Примечательно, что на фотографии, сделанной в середине 1870-х гг., мы видим двух любящих сестер (цесаревна Мария Федоровна, в девичестве датская принцесса Дагмар, и принцесса Уэльская Александра, старшая сестра российской цесаревны) в одинаковых платьях. Как правило, эти «парные» платья заказывались у известного парижского портного Чарльза Ворта. Таким образом сестры демонстрировали всем свою сохранявшуюся с детства близость.

Датская королевская и русская императорская семьи в Дании.
Фото 1890-х гг.

Ближайшее окружение императрицы Марии Александровны, зная трепетное отношение матери к старшему сыну, подчеркнуто критически относилось к цесаревичу Александру. Граф С.Д. Шереметев упоминает, что, бывая у наперсницы императрицы фрейлины А.Н. Мальцовой, он часто слышал «слабое мнение» о новом цесаревиче⁵¹.

Перемены в характере будущего Александра III зрели незаметно даже для тех, кто постоянно находился рядом с ним. Точкой, во многом завершившей формирование его характера, стала трагическая смерть Александра II. Многие из тех, кто видел Александра III в мартовские дни 1881 г., отметили для себя эти совершенно непонятные и неожиданные для них изменения. Фрейлина А.Ф. Тютчева записала свои впечатления в дневник 25 марта 1881 г.: «В его взгляде, в его голосе и движениях было что-то неопределенное, неуверенное, и я замечала это

еще очень немного лет тому назад. Теперь, глядя на него, я с изумлением спрашивала себя, каким же образом произошла эта полнейшая перемена, которая меня в нем поразила; откуда у него появился этот спокойный и величавый вид, это полное владение собой в движениях, в голосе и во взглядах, эта твердость и ясность в словах, кратких и отчетливых, – одним словом, это свободное и естественное величие, соединенное с выражением честности и простоты, бывших всегда его отличительными чертами»⁵².

Платье из узорчатого бархата и шелка. Фирма «Ч. Ворт». *Париж. 1880-е гг.*

Впоследствии эти черты личности Александра III развились и усилились. Мемуаристы отмечали некий контраст между свитой царя и им самим. Контраст, порожденный спокойным сознанием своей исключительности. Об этом в воспоминаниях очень хорошо написал художник, критик и искусствовед А.Н. Бенуа, случайно увидевший царя среди его свиты в театре: «Состав этой густой и толкавшейся в разные стороны массы не отличался ни красотой, ни элегантностью, ни величием, ни какой-либо «породистостью». Большинство присутствующих состояло из согбенных под бременем лет сановников и из большей частью маленьких, толстеньких, а частью из тощих и комично высоких старых дам... Двери ложи распахнулись, выбежали церемониймейстеры с длинными тросточками, и за ними появился государь, ведя под руку новобрачную... Меня

поразили его «громоздкость», его тяжеловесность и – как-никак – величие... Лицо государя поражало своей значительностью. Особенно порастил меня взгляд его светлых (серых? голубых?) глаз... Этот холодный стальной взгляд, в котором было что-то грозное и тревожное, производил впечатление удара. Взгляд человека, стоящего выше всех, но который несет чудовищное бремя и который ежесекундно должен опасаться за свою жизнь и жизнь самых близких!»⁵³

Следует подчеркнуть, что «особость» царя не являлась искусственной позой, порожденной исключительностью положения, нет. Это была столь редко встречающаяся и столь ценяемая людьми особая харизма власти, воспринимаемая на подсознательном уровне. А.Н. Бенуа писал: «Поражала его чрезвычайная простота, абсолютная непринужденность, абсолютное отсутствие какой-либо «позы» (позы властелина), что нельзя было сказать ни про его брата Владимира, ни (в особенности) про недоступного, высокомерного вел. кн. Сергея Александровича»⁵⁴.

При спокойном осознании силы своей власти Александр III считал себя вправе периодически «проявлять характер». Современники отмечали, что он умел держать и сдерживать. Несмотря на всю ровность характера, царь мог себе позволить, отчасти театрально, «гневаться», ударяя «кулаком об стол, и удар был серьезный»⁵⁵.

Его резолюции пестрят резкими и нелюбезными высказываниями и характеристиками. Он мог прямо в глаза назвать нерадивого подданного резким словом. Как вспоминали близкие к царю люди: «Крепкое словцо»⁵⁶ было присуще его натуре, и это опять русская черта, но в словах не было озлобления. Этот была потребность отвести душу и ругнуть иной раз сплеча, не изменяя своему добродушию. Иногда за столом и при свидетелях говорил он, не стесняясь, прямо набело, и когда уж очень становилось неловко от его слов, «она» (императрица Мария Федоровна. – И. З.) полушутя, бывало, обращалась ко мне и говорила: «Быстро расскажите мне что-нибудь» или «Ничего не слышно, не правда ли, мы ничего не слышали?», а, в сущности, нисколько этим не стеснялась и всегда сочувствовала ему. И это было особенно привлекательно»⁵⁷. Но при этом Александр III «никогда и никому не говорил «ты». Николаевское поколение видело в этом что-то патриархальное и отеческое, но на самом деле оно не всегда оправдывалось и только сбивало понятия... Ни тени «фамильярности» никогда не допускал себе цесаревич»⁵⁸.

Император Александр III (*с бакенбардами*)

Будучи великим князем, цесаревичем, а затем и императором Александр III всячески подчеркивал свою «русскость». И в этом отсутствовали наигранность, поза или ксенофобия. Это была органически присущая ему черта, которая выражалась и в использовании русского языка в светском обществе, и в его одежде, художественных симпатиях, и в самом внешнем облике. Поэтому его способность «ругнуть, иной раз сплеча» и говорить «прямо набело» – часть его искренней русской души. При этом Александр III прекрасно знал свою родослов-

ную и не заблуждался по поводу своей «русскости» «по праву крови». Его мать, бабушка и прабабушка были немками, и множество исследователей высчитывали доли русской (мизер) и немецкой крови в его жилах.

Тем не менее, когда он прочитал «Записки» Екатерины II, из которых можно сделать вывод, что отец Павла I – один из русских вельмож, а не Петр III, он искренне обрадовался, поскольку это увеличивало долю его русской крови. Причем он совершенно не симпатизировал славянофилам, считая их «ряжеными» и по духу, и по внешнему виду. Так, близких к славянофилам фрейлин А.Ф. Тютчеву и А.Д. Блудову он не выносил одинаково, поскольку «он был слишком русский человек, чтобы быть славянофилом»⁵⁹.

Во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на лице наследника-цесаревича Александра Александровича появляется борода. Это совершенно выбивалось из традиций царствования Александра II, но, видимо, отвечало каким-то внутренним импульсам цесаревича.

Великие князья Владимир (неизвестный художник, конец XIX в.) и Алексей Александровичи (А.И. Корзунин, 1889 г.)

Отметим, что появление бороды у цесаревича не было фрондой по отношению к отцу, хотя отношения между ними складывались очень сложно. Дело в том, что на время ведения боевых действий Александр II официально разрешил офицерам носить бороды. Как известно, «запретный плод» сладок, и в армии почти все офицеры начали отращивать бороды. Даже 20-летний великий князь Сергей Александрович начал отращивать бороду, записав в дневнике 9 июня 1877 г.: «Государь разрешил в кампании носить бороды, и мы отпускаем себе, я также»⁶⁰. Однако, когда император возвратился в Петербург (10 декабря 1877 г.), он уже через неделю потребовал от своего ближайшего окружения привести себя в порядок. 19 декабря Сергей Александрович писал цесаревичу: «Мою чудную бороду пришлось обрить, это было очень печально и неприятно, но ПапА не хочет, по-видимому, чтобы носили бороды»⁶¹.

Тем не менее, судя по фотографиям, цесаревич и его младшие братья Владимир и Алексей бороды так и не сбрили. Борода цесаревичу шла. Крупный телом и лицом, без «изящества» вельмож предыдущих царствований, он очень органично смотрелся с бородой. В результате Александр III стал первым «бородатым» российским императором, возобновив во внешнем облике традицию православных московских царей допетровской Руси.

Император Александр III. *И.Н. Крамской*

После воцарения Александра III мода «на бороды» немедленно охватывает всю мужскую половину высшего света.

Современники, сравнивая Александра III с его предшественниками, отмечали его сходство в отношении к России с Николаем I. Именно Николай I первым из российских императо-

ров громко и четко заявил о своей любви к России и сделал первые шаги к «русификации»¹⁰ высшего света, и «эстафету» воспринял Александр III. Граф С.Д. Шереметев, сравнивая Николая I и Александра III, писал: «Он (Николай I. – *И. З.*) сам желал быть Русским и по-своему, насколько мог, хотел им быть, хотя и в одежде средневекового рыцаря, да и не по одной одежде. Но он своим умом познал, что править Россией можно только будучи Русским или показывая, что хочешь им быть. Эта нота недостаточно звучала в Александре II, у которого его чувство было явно немецким, навеянное сентиментализмом времен своей юности. Русское воплощение царя в XIX веке совершилось в Александре III! Вот почему и царствовать после нельзя без этого воплощения...»⁶²

Надо заметить, что Александр III инстинктивно отличал позу от истинного чувства. Или, по крайней мере, был очень определен в своих симпатиях и антипатиях. Так, граф С.Д. Шереметев упоминает, что, увидев у него на столе книгу стихотворений Тютчева, Александр III заявил, что «вообще не любит Тютчева, и как поэта, и как человека»⁶³.

Примечательно, что когда Александр II посещал Аничков дворец, в котором жил с семьей наследник, все ощущали некую отчужденность между отцом и сыном. Граф С.Д. Шереметев упоминает, что присутствие Александра II «несколько стесняло всех, даже хозяев. Уж очень были различны характеры и вкусы. Государь подсаживался к цесаревне, слегка картавая заводил с нею речь и лишь изредка обращался к цесаревичу... Меня поражало это различие между сыном и отцом: другие приемы, другие речи, другое воспитание»⁶⁴.

В одежде император Александр Александрович был непривередлив. У него, конечно, имелись все необходимые «по должности» мундиры и сюртуки. Но, в отличие от своего отца, он не обладал коллекцией мундиров. Мемуаристы утверждают, что Александр III, как правило, носил привычные вещи, совершенно занашивая их. С.Ю. Витте упоминает о штопаных штанах императора и клиньях, вшитых в его брюки. Дома с юных лет он привык носить тужурку⁶⁵. Не носил Александр III и ювелирных украшений. Из колец у него было только венчальное и то «к концу растрескалось, так что опасно было его носить»⁶⁶. Скромность российских императоров в отношении ювелирных изделий носила также традиционный характер. Мемуаристы упоминают, что Александр I не носил «никаких драгоценностей, ни одного кольца, даже не носил часов»⁶⁷.

Говоря об Александре III, следует упомянуть и о такой детали, как манере царя обращаться к соратникам и подданным. Мемуаристы утверждают, что Александр III стал первым царем, обращавшимся к своим подданным на «вы». Это не совсем так. Первым монархом, который ввел обращение «вы» со своими подданными, стал Александр I. Однако императорский двор в начале XIX в. был франкоязычным, поэтому русское «вы» императора не привилось.

Николай I, начавший «русификацию» Императорского двора, обращался к своим подданным только на «ты», и эту привычку переняли его братья и сыновья. При этом в своей переписке Николай Павлович, как правило, использовал обращение «вы». При дворе Александра II обращение на «ты» сохранялось. Вместе с тем Александр II иногда использовал обращение «вы», чтобы показать свою нерасположенность к собеседнику, поэтому царского «вы» очень опасались. Однако времена изменились, и сыновья Александра II постепенно усвоили привычку обращаться к близким и подданным только на «вы». Поэтому и Александр III использовал это обращение.

¹⁰ Русификация – политика, направленная на укрепление империи, в том числе через распространение русского языка как государственного языка империи.

Император Николай II

Традиционный и хорошо знакомый внешний облик российского императора Николая II сложился достаточно рано. Будучи еще наследником, в начале 1890-х гг. на лице молодого Николая Александровича появились небольшие, щегольские усики.

Цесаревич Николай Александрович во время путешествия по Японии. *Фото 1891 г.*

На фотографиях 1891 г., запечатлевших царя во время путешествия на Восток, мы видим бритый подбородок, короткую стрижку ежиком и небольшие усы. Судя по сохранившимся фотографиям, бородка на лице Николая II появилась в 1892–1893 гг. На серии фотографий, связанных с его помолвкой в апреле 1894 г., – уже новый образ, который Николай II не менял до конца своей жизни: короткая стрижка, с пробором на правую сторону, достаточно большие, ухоженные усы и небольшая, округлая борода. Со временем усы стали короче и «слились» с бородой. На голове появились небольшие залысины, а волосы слегка поредели.

Внешний облик царя на протяжении всей его жизни описан многими мемуаристами. Все они отмечали спортивность царя и его хорошую физическую форму при крепком здоровье. Например, генерал Ставки¹¹ Ю.Н. Данилов описывал «позднего», 46-летнего царя следующим образом: «Государь был невысокого роста, плотного сложения, с несколько непропорционально развитую верхнюю половину туловища. Довольно полная шея придавала ему не вполне поворотливый вид, и вся его фигура при движении подавалась как-то особенно, правым плечом вперед.

¹¹ Ставка – в данном случае Ставка Верховного Главнокомандующего русской армии. Образована в августе 1914 г. Сначала размещалась в Барановичах, со второй половины 1915 г. – в Могилеве.

Цесаревич Николай Александрович и принцесса Гессенская Алиса после помолвки.
Фото 1894 г.

Император Николай II носил небольшую светлую овальную бороду, отливавшую рыжеватым цветом, и имел спокойные серо-зеленые глаза, отличавшиеся какой-то особой непроницаемостью, которая внутренне всегда отделяла его от собеседника»⁶⁸.

За своим внешним обликом Николай II следил весьма тщательно. Об этом свидетельствуют счета парикмахеров, 2–3 раза в месяц посещавших царя. У Николая II в силу положе-

ния имелся достаточно обширный гардероб. Самой его значительной частью являлись различные военные мундиры. Будучи шефом множества полков русской армии, император надевал эти мундиры в зависимости от ситуации и с учетом множества причин: полковых праздников части, которая несла караул во дворце, различных полковых юбилейных дат и т. п. В этой коллекции были и мундиры полков европейских армий, надеваемые во время официальных визитов. Гардероб включал и гражданское платье, его Николай II, как правило, мог позволить себе носить только за границей.

Первая серия фотографий Николая II в статском платье относится к его поездке «на Восток» в 1890–1891 гг., когда он еще был цесаревичем. На этих фотографиях молодой 22-летний цесаревич одет в легкую «тропическую форму», и только во время официальных визитов он надевал офицерский мундир.

Первая семейная фотография Кобург. *Апрель 1894 г.*

Во время экскурсий цесаревич, как правило, одевался в модный легкий европейский костюм. На фотографии, сделанной в 1891 г. в Японии, на цесаревиче – фетровый котелок. Именно этот котелок разрубил двумя ударами сабли самурай-полицейский во время покушения на цесаревича в мае 1891 г. В Государственном Эрмитаже по сей день хранится белая рубашка с монограммами цесаревича Николая, на ней остались следы крови после покушения.

Примерно в эти же годы молодой цесаревич обзавелся охотничьим костюмом «из английской рогожки». Все последующие годы фасон этого охотничьего костюма неизменно сохранялся. Этот костюм сохранился, и именно с этого, пропотевшего костюма экспертам удалось взять генетический материал при проведении экспертизы по идентификации останков Николая II в 1990-х гг.

В 1893 г. цесаревич Николай Александрович посетил Англию. Во время визита обнаружилось, что двоюродные братья – наследники русской (будущий Николай II) и английской (будущий Георг V) короны – необычайно похожи. Похожи настолько, что это стало поводом для серии фотографий.

Следующую серию фотографий в статском платье сделали во время сватовства цесаревича Николая Александровича в апреле 1894 г. По традиции русский цесаревич приехал в Дармштадт в статском костюме. На этих постановочных фотографиях цесаревич довольно скован и несколько озабочен. Это понятно, поскольку обстоятельства сватовства к Алисе Гессенской оказались довольно сложными.

С 1895 г. в «Список» поставщиков Высочайшего двора вошел гражданин Швейцарии Генри Фолленвейдер, владелец фирмы «Генри». В своем магазине, находившемся в Петербурге на Большой Морской, 18, он продавал морскую форменную и гражданскую одежду. Включение его в «Список», видимо, состоялось Высочайшим решением, поскольку поставки этой фирмы морской и гражданской одежды ко Двору начались именно с 1895 г.

Фирма «Генри» поставляла Николаю II гражданскую одежду. Например, с апреля по август 1903 г. Генри Фолленвейдер продал Николаю II 16 предметов по счетам на сумму 1043 руб. Список этих предметов весьма показателен: сюртук, жилет и брюки (на 150 руб.); смокинг (150 руб.); три костюма (по 115 руб. каждый); белый теннисный костюм (110 руб.); осеннее пальто (140 руб.); сюртук «Фантазия» (30 руб.); три белых жилета для фрака (по 20 руб. каждый); велосипедные штаны (28 руб.); жилет к костюму (25 руб.); шелковый теннисный пояс за 5 руб.

В этом же магазине чистили и ремонтировали фраки Николая II, а также стирали царские жилеты. Магазин оказывал и сопутствующие услуги: например, купленная готовая одежда подгонялась по фигуре заказчика.

Следует еще раз подчеркнуть, что Николай II появлялся в штатском платье очень редко, и даже ближайшее окружение императора, постоянно находившееся рядом с ним, увидев царя в партикулярном платье, воспринимало это как несообразность.

Император Николай II во время визита в Германию. *Фото 1910 г.*

При этом, как следует из бухгалтерских счетов, в гардеробе царя имелись все необходимые штатские вещи, и за ними тщательно следили. В 1897 г. во время поездки на родину жены в Дармштадт Николай II и Александра Федоровна совершили инкогнито поездку во Франкфурт-на-Майне. Одеты они были в обычные партикулярные костюмы состоятельных буржуа. Окружение молодого императора немедленно отметило, что Николай II не имел привычки носить штатское платье, и цилиндр на нем был плохого качества⁶⁹.

Довольно много фотографий Николая II, одетого «по гражданке», осталось после посещения Германии осенью 1910 г. Главная цель поездки – лечение императрицы Александры Федоровны на ее родине в Дармштадте. За границей семья Николая II пробыла около трех месяцев. Визит носил родственный, приватный характер, и Николай II по большей части одевался в гражданское платье, причем весьма разнообразное. Поначалу это вызывало удивление. Например, подруга императрицы А.А. Вырубова, впервые увидев в 1910 г. Николая II одетым «по гражданке», отметила этот факт в воспоминаниях: «Государь пришел в штатском платье. С непривычки было как-то странно его так видеть, хотя в то же время очень забавляло»⁷⁰.

После 1910 г. Николай II совершил еще несколько поездок за границу, во время которых у него была возможность носить статское платье. Один из последних зарубежных визитов состоялся в мае 1913 г. В августе 1914 г. Россия вступила в Первую мировую войну, с этого времени Николай II ни разу не одевал статское платье. Одетый в солдатскую гимнастерку, он встретил смерть в июле 1918 г.

Портные Николая II

Как уже отмечалось, российские императоры на родине носили только военную форму. Как правило, ее шили портные, специализировавшиеся на производстве военного обмундирования. Для сшитой военной формы требовалось еще множество элементов, от головных уборов, погон, аксельбантов и до сапог. Все это приобреталось в так называемых магазинах офицерских вещей. Хозяева этих магазинов со временем оказывались в числе поставщиков Высочайшего двора.

Самым давним поставщиком считался хозяин магазина офицерских вещей фабрикант И. Скосырев. Семейное дело существовало с 1812 г. Магазин располагался в Петербурге на Владимирском пр., 4. По «Списку» императорских поставщиков можно восстановить три поколения семьи Скосыревых, которые последовательно получали высокое звание поставщика Высочайшего двора: фабрикант И. Скосырев получил звание поставщика Высочайшего двора еще в 1857 г., затем звание подтвердил его сын Василий Скосырев, поставщик с 1863 г. Завершил купеческую династию Александр Скосырев, поставщик с 1895 г.

В военном магазине М.И. Скосырева, продававшего форменную одежду для офицеров, в 1903 г. для императора Николая II приобретены товары на сумму в 1234 руб. 90 коп. В основном это мелочи: два шарфа, семь фуражек различных полков, форменные ремни, кокарды для фуражек, пряжки для сабли, эполеты и т. д.

Поскольку российские императоры состояли шефами различных иностранных полков, то в числе поставщиков оказались германские (И. Эйсер, Берлин, с 1862 г.; Теодор фон Линкер, Дармштадт, с 1896 г.; Феликс Коллани и Оскар Курде, владельцы фирмы «L.H. Berger Collani», Берлин, с 1903 г.) и датские (А.Н. Herlin, с 1910 г.) портные.

Одним из выдающихся петербургских военных портных конца XIX – начала XX вв. являлся Николай Иванович Норденштрем, поставщик Императорского двора с 1895 г. Фирма «Норденштрем Н.» была одной из старейших столичных фирм, специализировавшейся на изготовлении военных мундиров. Основал ее Николай Иванович Норденштрем, приехавший в Петербург из Швеции в 1821 г. В 1841 г. мастерская перешла к его племяннику Андрею Ивановичу, в 1852 г. – к Николаю Ивановичу и в 1856 г. – к Карлу Ивановичу Норденштрему. Фирма имела ателье и магазин на Невском пр., 46. В начале 1900-х гг. главой фирмы стал К.Н. Норденштрем. Портные и закройщики фирмы выполняли весьма ответственные заказы – шили мундиры для Александра III, его младших братьев, великих князей Алексея, Сергея и Павла Александровичей.

Счета Н.И. Норденштрема за военную форму, поставленную для великого князя Сергея Александровича с 1884 по 1895 г., составили 14 500 руб. Первые его поставки великому князю Сергею Александровичу относятся еще к 1877 г. С декабря 1902 г. по декабрь 1903 г. магазин Норденштрема поставил 15 предметов и 2 комплекта военного обмундирования на сумму в 1572 руб. В этот список вошли: конногвардейский колет (225 руб.); зимний доломан (250 руб.); парадная кираса (55 руб.); тужурка (100 руб.); китель Московского полка (100 руб.); китель Преображенского полка (100 руб.); морской китель (110 руб.); жилет (15 руб.); три пары брюк (по 38 руб.); двубортный китель Преображенского полка (90 руб.); брюки для морской формы (38 руб.); брюки для пехотной формы (40 руб.); парадный пехотный мундир (145 руб.); парадный мундир Сводного полка (135 руб.). Этот же портной принимал царские мундиры в чистку и ремонт. Некоторые из мундиров, жилетов и брюк расставлялись портным, поскольку в 1903 г. царь начал прибавлять в весе.

В ателье известного портного шили мундиры для великих князей Константина и Дмитрия Константиновичей; великих князей Николая и Петра Николаевичей; великих князей Георгия и Александра Михайловичей; великих князей Кирилла, Бориса и Андрея Владимирови-

чей, а также для Александра и Константина Петровичей Ольденбургских, для принца Петра Александровича Ольденбургского, герцога Евгения Максимилиановича Лейхтенбергского⁷¹. Любой офицер Императорской гвардии считал для себя обязательным сшить мундир именно у «старика Норденштрема». Через мастерскую Н.И. Норденштрема, поставщика Императорского двора, проходили практически все состоятельные гвардейские офицеры, «строившие» себе форму.

Коронационные платье Александры Федоровны и мундир Николая II

«Синий» (определение по цвету мундира) кирасир В.С. Трубецкой писал в воспоминаниях: «Ежедневно я после учений ездил в Петербург, где первым долгом посещал почтенного Норденштрема – знаменитого петербургского военного портного... там я без конца примеривал офицерский колет, сюртуки, вицмундиры, кителя, пальто, николаевскую шинель, короткие и длинные рейтузы и чахчиры¹² с лампасами для парада, для гостиных и для повседневной жизни»⁷².

Для коронации 1896 г. Николаю II сшили особый мундир, в настоящее время он хранится в Оружейной палате Московского Кремля в коллекции коронационных одежд русских монархов. Поскольку церемония коронации включала в себя очень значимое таинство миропомазания, то на мундире и сапогах сделали специальные отверстия для совершения обряда таинства. На мундире – клапан на груди, откинув его, можно было помазать миром обнаженную грудь императора. Как вспоминал камердинер, который одевал Николая II перед коронацией: «Мундир и подошвы сапог государя имели заранее сделанные отверстия, через которые было совершено таинство миропомазания. Переодевшись, государь велел убрать мундир и сапоги, которые должны были храниться как святыня и в качестве исторической реликвии»⁷³.

Российские императоры, как и обычные люди, привыкали к определенной одежде и с трудом с ней расставались. То же было и с Николаем II. Он годами носил одни и те же вещи, предпочитая латаные и штопанные, но привычные детали туалета. Это, конечно, усложняло жизнь его камердинерам. Как и все Романовы, он страстно любил военную форму. В его платяных шкафах хранились сотни военных мундиров, часть из них ныне можно увидеть в Александровском дворце Царского Села. В ясеневых шкафах в гардеробной Николая II в Александровском дворце Царского Села к 1917 г. хранилось до 1500 мундиров императора. Фактически он должен был иметь полный комплект формы всех полков русской армии. Во время парадных выходов он надевал мундир того полка, который в это время нес караул в императорской резиденции. Тем не менее Николай II предпочитал форму преображенцев и лейб-гусар⁷⁴. С удовольствием Николай II носил малиновую косоворотку гвардейских стрелков.

Случались и другие, несравнимо меньшие расходы на одежду, но они показывают, сколь обширен был круг людей, вовлеченных в личное обслуживание императора. Так, в 1902 г. казак Собственного конвоя Платон Монастырский «исправлял» черкеску и бешмет царя формы Собственного конвоя и получил за работу 10 руб.

Характер и манера поведения

Многие черты в поведении Николая II обусловлены его детством. Несколько эпизодов времен детства и отрочества сыграли заметную роль в формировании личности царя. О них Николай II вспоминал, спустя много лет. Так, на маленького Николая глубочайшее впечатление произвел эпизод с шаровой молнией, которая влетела в дворцовую церковь во время службы. Он видел, что император Александр II оставался во время этого происшествия совершенно спокоен, и стремление подражать деду заставило его сознательно выработать необычайное самообладание⁷⁵. 1 марта 1881 г. 12-летний будущий Николай II смотрел на умирающего, залитого кровью деда – Александра II, угасающего в своем кабинете на втором этаже Зимнего дворца. Он, безусловно, был потрясен, и это зрелище также отложилось в глубинных слоях его личности. В октябре 1888 г. 19-летний цесаревич едва не погиб во время железнодорожной катастрофы близ станции Борки под Харьковом. В мае 1891 г. на Николая Александровича совершено покушение в Японии, оставившее «зарубку» на его голове.

¹² Чахчиры – форменные лосины, элемент гусарской формы.

Император Николай II. Э.К.Литарт. 1900 г.

Николай II не сразу обрел навык и привычку к бесчисленным публичным выступлениям и к появлению на людях в качестве первого лица государства. Поначалу от этого он испытывал настоящий стресс. Однако со временем навык был приобретен, но, тем не менее, несмотря на его внешнее спокойствие и «непрошибаемость», он, как и всякий человек, нервничал, и «внешним образом смущение государя выражалось, например, в столь известном постоянном поглаживании усов и почесывании левого глаза»⁷⁶. Эту сохранявшуюся внутреннюю неуве-

ренность царя при внешнем «непрошибаемом» спокойствии отмечали многие внимательные мемуаристы, особенно те, кто мог наблюдать царя длительное время в его повседневной жизни. Так, один из генералов Ставки вспоминал, что «эти черты государя выявлялись и наружно нервным подергиванием плеч, потиранием рук и излишне частым покашливанием, сопровождавшимся затем безотчетным разглаживанием рукою бороды и усов»⁷⁷.

Постепенно Николай II выработал и определенную «защитную» манеру поведения, ставшую частью его делового стиля: «Все жесты и движения императора Николая II были очень размеренны, даже медленны. Эта особенность была ему присущей, и люди, близко знавшие его, говорили, что государь никогда не спешил, но никуда не опаздывал»⁷⁸.

Поскольку к каждому слову императора внимательно прислушивались, Николай II рано понял, что последствия самых, на его взгляд, безобидных реплик могут оказаться весьма серьезными. Поэтому он очень редко бывал откровенен со своими собеседниками, предпочитал слушать, держа свое мнение при себе. Спорить, доказывать то, что для него представлялось совершенно очевидным, он не желал. Молчание же императора многие ошибочно принимали за согласие с их мнением и после испытывали жестокое разочарование, когда император поступал так, как он считал необходимым. Тогда немедленно начинались разговоры о двуличии царя. Близко знавшие царя люди единодушно отмечали его «умение владеть собою и скрывать свои внутренние переживания. В самые драматические моменты жизни внешнее спокойствие не покидало его»⁷⁹.

Спокойствие и сдержанность царя в стрессовых ситуациях оставались загадкой для современников и порождали самые разнообразные толки. Сдержанность в поведении и оценках, в подражание деду, формировалась им сознательно с детства, а затем уже стала маской, настолько сросшейся с ним самим, что трудно было отделить развившийся фатализм его натуры и сознательно скрываемые эмоции. Флигель-адъютант А. Мордвинов (его тестем был англичанин К.И. Хис – воспитатель и преподаватель молодого цесаревича) также подчеркивал, что «даже мальчиком он почти никогда не горячился и не терял самообладания»⁸⁰.

Государственная деятельность неизбежно связана с решением сложных, конфликтных ситуаций. Общеизвестно, что царь старался избегать их. Объясняют это по-разному. Одни пишут о его воспитанности, мешавшей ему говорить неприятные вещи своим сановникам, другие видят в этом проявление некоего двоедушия и иезуитства. Например, С.Ю. Витте, не питавший особых симпатий к царю, отмечал, что «государь по натуре индифферент-оптимист. Такие лица ощущают чувство страха только тогда, когда гроза перед глазами, и, как только она отодвигается за ближайшую дверь, оно мигом проходит»⁸¹. Министр народного просвещения А.Н. Шварц писал, что «не сердился он, как будто, никогда. Ни сам я гнева его никогда не видел, и от других о проявлениях его никогда не слышал»⁸². Военный министр А. Редигер считал, что, «несмотря на выпавшие на его долю тяжелые дни, он никогда не терял самообладания, всегда оставался ровным и приветливым, одинаково усердным работником. Он мне говорил, что он оптимист»⁸³.

Особенно примечательно поведение царя в стрессовых ситуациях. За время его царствования их возникало весьма достаточно. Но войны – это события, потрясающие любую державу до основания. В день начала Русско-японской войны военный министр А.Н. Куропаткин записал в дневнике: «28 января 1904 г. На докладе 27 числа государь был бледен, но спокоен»⁸⁴. Посол Германской империи граф Пурталес, сообщивший царю об объявлении войны в 1914 г., также отмечал это необычайное самообладание, оно даже вызывало у него впечатление некой психической аномалии: «31 июля 1914 г. Царь спокойно выслушал меня, не выдавая ни малейшим движением мускула, что происходит в его душе... У меня получилось впечатление, что мой высокий собеседник либо в необычайной манере одарен самообладанием, либо еще не

успел, несмотря на мои весьма серьезные заявления, постигнуть всю грозность создавшегося положения»⁸⁵.

Особенно много толков вызвало поведение царя во время отречения. Наиболее часто цитируется фраза официального историографа Ставки генерала Д.Н. Дубенского, произнесенная во время допроса в августе 1917 г.: «Это такой фаталист, что я не могу себе представить... он отказался от Российского престола, как сдал эскадрон»⁸⁶. Это показное спокойствие глубоко оскорбило многих и, в свою очередь, заставило спокойно отнестись к смерти самого царя и его семьи летом 1918 г. Но, вместе с тем, генерал, сталкивавшийся с царем только с 1914 г., счел нужным добавить: «Я думаю, будут писать об этом многие психологи, и им трудно будет узнать; а вывести, что это равнодушный человек, будет неверно».

Впечатление о чрезмерном спокойствии царя глубоко поразило и принимавшего текст отречения А.И. Гучкова¹³. Во время допроса в Чрезвычайной следственной комиссии, учрежденной Временным правительством, 2 августа 1917 г. он поделился своими наблюдениями: «Вообще я должен сказать, что вся эта сцена произвела в одном отношении очень тяжелое впечатление, ... что мне прямо пришло в голову: да имеем ли мы дело с нормальным человеком? У меня и раньше всегда было сомнение в этом отношении, но эта сцена; она меня еще глубже убедила в том, что человек этот просто, до последнего момента, не отдавал себе полного отчета в положении, в том акте, который он совершал, ... мне казалось, что эти люди должны были понять, что они имеют дело с человеком, который не может считаться во всех отношениях нормальным»⁸⁷.

Не все разделяли это мнение. О том, что это «непрошибаемое» спокойствие только маска, писали те, кто хорошо знал царя на протяжении многих лет. Они подчеркивали, что для сохранения этой привычной маски царю иногда требовались серьезные волевые усилия. Хорошо знавшая его баронесса С.К. Буксгевден вспоминала, что «сдержанность была второй его натурой. Многие спрашивали: отдавал ли он полностью себе отчет в трагичности некоторых событий? – настолько спокойно было его отношение, настолько скрытно было выражение его лица. На самом деле это была маска»⁸⁸. А. Блок приводит слова генерала Д.Н. Дубенского: «Когда он говорил с Фредериксом об Алексее Николаевиче, один на один, я знаю, он все-таки заплакал»⁸⁹.

Свои настоящие переживания царь позволял видеть только самым близким людям. Младшая сестра царя Ксения в дневнике писала, что после приема в Зимнем дворце в апреле 1906 г. по случаю открытия заседаний I Государственной думы: «Многие плакали! Мама и Алике плакали, и бедный Ники стоял весь в слезах, самообладание его, наконец, покинуло, и он не мог удержаться от слез!» Очень характерное замечание сестры – «наконец». Видимо, чрезмерное спокойствие государя угнетало даже самых близких к нему людей⁹⁰. Анна Вырубова в воспоминаниях упоминает, что когда царь вернулся в Царское Село после отречения 9 марта 1917 г., он «как ребенок рыдал перед своей женой»⁹¹. Она же передает слова царя: «Видите ли, это все меня очень взволновало, так что все последующие дни я не мог даже вести своего дневника»⁹². Один из биографов царя, Е.Е. Алферьев, в самом названии своей книги выразил мысль о его необычайной воле. Он писал, что «постоянной упорной работой над собой он развил в себе сверхчеловеческое самообладание и никогда не выражал сколько-нибудь явно своих переживаний. По своей природе Государь был очень замкнут... Незнание порождало непонимание»⁹³.

¹³ Гучков Александр Иванович (1862–1936) – российский политик, депутат и с 1910 г. – председатель III Государственной думы, стоял во главе партии октябристов. Член Государственного совета (1915–1917 гг.), военный и морской министр Временного правительства (1917 г.), председатель Центрального военно-промышленного комитета. В 1920-е гг. эмигрировал.

Такая внешняя и эмоциональная «закрытость» царя имела и объективные причины: слишком многие люди в беседах с ним искали малейших проявлений каких-либо эмоций, на основании которых они могли бы судить об отношении Николая II к их словам. Царь же желал сохранить полную приватность своих мыслей и настроений по поводу взглядов и аргументов очередного собеседника, дабы избежать каких-либо толков и сохранить за собой определенную свободу маневра. И для этого необычайно хорошо подходила маска непроницаемого спокойствия. В целом подобное поведение было нетипично для российских монархов, ведь в силу своего положения они могли себе позволить не сдерживать эмоции, а «царский гнев» – вообще неотъемлемая часть их «царской профессии». Поэтому у П.А. Столыпина и вырвалось однажды: «Да рассердитесь же хоть раз, Ваше Величество!»

Советские историки 1920-х гг., занимавшиеся этим вопросом, сошлись во мнении, что это спокойствие есть результат особого психоэмоционального склада царя. Например, П.Е. Щеголев утверждал: «Чувствительность Николая была понижена чрезвычайно, она была ниже уровня, обязательного для нормального человека»⁹⁴.

Нам представляется, что нет никаких оснований говорить о какой бы то ни было психической аномалии. Столь сдержанное поведение – результат многолетних волевых усилий, вошедших в привычку, ставших вторым лицом. Кроме этого, религиозность царя, граничившая с фатализмом, также способствовала некоему отстраненному взгляду на происходящие события, а образ спокойного, держащего себя в руках царя импонировал окружающим. Но импонировал только в условиях стабильности. В ситуации надвигающегося краха, отчетливо ощущаемого многими современниками, это чрезмерное спокойствие воспринималось как безволие, как психическая аномалия, что в свою очередь подрывало престиж императорской власти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.